

Оглавление

Предисловие	5
Облик первопроходца (О менталитете русского населения Сибири конца XVI — начала XVIII вв.)	11
Что влекло русских людей в Сибирь?	12
Религиозный фактор в жизни первопроходцев и первопоселенцев	22
Общественный быт	43
Гендерные проблемы	56
Ментальные особенности социальной организации	76
О «сибирском субэтнотипе»	93
О русско-аборигенных отношениях	99
Природные факторы в восприятии человека Средневековья и Нового времени (эстетический и экологический аспекты)	141
О позитивном восприятии природных факторов	145
О восприятии негативном и нейтральном	167
Красота и польза	175
Об эстетическом восприятии природы в XVIII–XX вв.	187
Спасет ли мир красота?	198
Российская государственность и некоторые особенности русского менталитета	212

О кризисах российской государственности в XVII–XX вв. и роли государства в истории русского общества	212
Российские и «европейские» представления об оптимальных формах и методах государственного правления и реалии повседневной жизни	232
«Казнить нельзя помиловать...»	243
О «практичности» гуманизма в уголовном праве	253
«Духовные лидеры» и «арифметическое большинство»: проблемы взаимопонимания	261
Заключение	276

Предисловие

Понятие «менталитет» (от *лат.* *mens, mentis* — т. е. ум, мышление, рассудок, образ мыслей) сравнительно недавно вошло в отечественную науку. Российскими историками оно стало широко использоваться вообще лишь с 1990-х гг. (придя на смену «быту и нравам» и «социальной психологии») и по сей день не имеет общепринятых дефиниций, допуская толкование и применение в довольно широких пределах¹. В литературе по этой проблематике нередко можно встретить утверждения, что «менталитет как историческую категорию проще описать, чем определить», что «каждый исследователь употребляет это понятие в том виде и смысле, который кажется ему наиболее приемлемым и удобным». И в то же время высказываются мнения, согласно которым определения менталитета в научных трудах различаются, «как правило, лишь стилистическим разночтениями»².

Философские аспекты этого понятия — отдельная и весьма специфическая тема³, а наша работа носит конкретно-исторический характер, и поэтому в определении термина «менталитет» мы следуем за теми авторами, труды которых посвящены близкой нам проблематике. Один из них — Л. Н. Пушкарёв — глубокоуважаемый и давно признанный специалист по истории духовной культуры России. По его словам, «менталитет — это манера мышления, его склад, его особенности, его своеобразие. Это эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, образ мышления и человека, и коллектива»⁴. «Мы должны, — пишет Л. Н. Пушкарёв, — выявить и познать совокупность всего того, что мы называем мироощущением и

¹ Пушкарёв Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166; Он же. Введение // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М., 1996. С. 3–8; Он же. Человек о мире и самом себе (Источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.). М., 2000. С. 3–21.

² Пушкарёв Л. Н. Что такое менталитет? С. 162.

³ См.: Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции. М., 1994. С. 3–7.

⁴ Пушкарёв Л. Н. Что такое менталитет? С. 159.

миропредставлением человека, сословия, класса, общества и народа, все то, что подспудно и неосознанно проявляется в мифологии и фольклоре, в религиозности и морали, в этике и эстетике. Совокупность всех этих разнообразных и порою трудно выделяемых и внешне скрытых понятий и явлений в научном языке последнего времени и получило наименование «менталитета» или «ментальности»⁵.

Л. Н. Пушкарёв, кроме того, счел нужным подчеркнуть, что «все эти стороны менталитета связаны не столько с сознанием, сколько с чувством, подсознанием», что менталитет проявляется прежде всего в действиях⁶, и отметил специфику использования этого термина в отечественной историографии. «В русском научном языке, — пишет Л. Н. Пушкарёв, — широко стало применяться и прилагательное от него — «ментальный», а от него, в свою очередь, был образован новый термин — «ментальность»», причем «предпочтение среди русских ученых отдается «ментальности»: видимо, этот термин звучит больше «по-русски»...»⁷.

Его часто употреблял и А. Я. Гуревич — видный специалист по средневековой культуре Западной Европы, один из «пионеров» и активных сторонников внедрения понятия «менталитет» в отечественную науку. Разъясняя суть понятия «ментальность», он подчеркивал, что так в исторической науке «принято обозначать широкий социально-психологический комплекс явлений, отличающийся расплывчатостью, неформулированностью и спонтанностью». «На уровне ментальностей, — писал А. Я. Гуревич, — мы имеем дело не с индивидуальной и неповторимой мыслью того или иного мыслителя, поэта, а со стереотипами и привычками, *автоматизмом сознания*, которые, кстати, присутствуют и в самом оригинальном творении гения, удостоверяя, что он — сын своего времени»⁸.

Из таких определений мы в основном и будем исходить, поскольку именно они более всего отвечают нашим представ-

⁵ Пушкарёв Л. Н. Человек о мире... С. 4.

⁶ Там же. С. 9, 14–15.

⁷ Там же. С. 16–17.

⁸ Гуревич А. «Жизнь после жизни», или Нечто о современности и средневековье // Знание — сила. 1990. № 11. С. 55.

лениям о предмете предлагаемого вниманию читателей исследования.

В последние годы усилилась тенденция рассматривать проблемы менталитета в рамках еще одной сравнительно новой научной дисциплины — исторической антропологии: многие отдают ей предпочтение и при характеристике вопросов, ранее, вроде бы, целиком относящихся к «ментальной» сфере⁹. Мы, однако, намерены и далее придерживаться прежней терминологии, поскольку она уже прочно вошла в обиход не только «узких специалистов», но и широких читательских кругов, став привычной даже в СМИ...

О необходимости и важности изучения проблем менталитета в последнее время написано и сказано немало. «Историкам все более становится понятным, — отмечал ещё в 1990 г. А. Я. Гуревич, — что невозможно уяснить социальное поведение людей, их участие в производстве, в творческой деятельности, в религиозной жизни, в быту, если отвлечься от ментальности...»¹⁰. А Л. Н. Пушкарёв и А. А. Горский совершенно справедливо полагают, что «игнорирование проблем менталитета чревато не только обеднением и искажением исторической картины, потерей целого пласта знания, но и — в социальной практике — серьезными общественными катаклизмами»¹¹. А. А. Есюнина подчёркивает важность изучения проблем менталитета прежде всего для нашей страны и полагает, что «обращение к особенностям формирования менталитета русской нации даёт возможность более глубокого проникновения в смысл отечественной истории, понимания истоков российской государственности, осознания силы и слабости русского народа». «Российский менталитет, — пишет она, — складывался веками... и каждый период времени оставлял в нём свой неповторимый след. Знание духовных основ предшествующих поколений поможет современным россиянам разобраться в новых, резко изменившихся жизненных условиях и сделать

⁹ См.: Кром М. М. Историческая антропология. 3-е изд. СПб.; М., 2010.

¹⁰ Гуревич А. «Жизнь после жизни»... С. 55.

¹¹ Горский А. А., Пушкарёв Л. Н. Предисловие // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 3–4.

осознанный, осмысленный выбор в новой, неведомой предкам исторической ситуации».¹²

Успехи в разработке этой тематики налицо. Проблемам менталитета было посвящено немало крупных, представительных конференций, ряд сборников статей и монографий¹³. Они показали, что особенности мировоззрения и самосознания каждого народа играют огромную роль в его истории. Было выявлено много конкретных и «узких» тем, изучение которых в итоге может дать глобальную картину менталитета, характерного для той или иной эпохи. В их числе назывались такие, как структура и оценка власти, отношение к войне и миру, формы этики и права, эстетические представления, религиозность, оценка природы и окружающего мира, восприятие пространства и т. п.¹⁴

Вместе с тем нельзя было не заметить, что при изучении всех этих проблем выявляется немало лакун и дискуссионных вопросов, ждущих своего решения, в том числе в отношении некоторых социальных групп, отдельных хронологических периодов и регионов.

Недостаточно изученными являются и те сюжеты, которые стали предметом исследования в нашей монографии. Первый из них посвящен менталитету населения Сибири конца XVI — начала XVIII вв. При характеристике облика русских первопроходцев и первопоселенцев в литературе часто допускаются крайние оценки, далекие от объективности. В монографии предлагается более взвешенный подход к этой теме, основанный на принципах историзма и не допускающий подхода к событиям далекого прошлого с позиций современной морали и этики. Свой, во многом тоже отличный от мнения многих иссле-

¹² Есюнина А. А. Особенности менталитета русской нации. URL: <http://liveinternet.ru/users/5173517/post3...> (дата обращения: 23.10.2014).

¹³ Помимо указ. выше, см.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Мат-лы междунар. конф. М., 1996; Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докл. научн. конф. М., 1996; Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000; Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века. М., 2006 и др.

¹⁴ Пушкирев Л. Н. Что такое менталитет? С. 160–161.

дователей взгляд представлен автором при работе над вторым сюжетом монографии, касающимся восприятия человеком Средневековья и Нового времени природных факторов. По мнению одних исследователей, у людей той эпохи не было и быть не могло эстетического восприятия природы и бережного отношения к ней, по мнению других, эти чувства у человека являются врожденными, а в нашей работе будут предложены и обоснованы другие пути решения этого вопроса.

Свое видение проблемы у автора и по третьему из рассматриваемых в монографии комплексу дискуссионных вопросов, относящихся к истории взаимоотношений российского народа и Российского государства и истокам свойственного большинству наших сограждан этатизма, ригоризма и патернализма.

Для решения всех этих задач использован широкий круг разнообразных источников. В их числе летописи, фольклор, делопроизводственная документация (челобитные дела, «отписки» служилых и промышленных людей и т. п.), путевые записки, мемуары... Привлечена также обширная литература, включая работы не только историков и философов, но и произведения, выходявшие из-под пера ученых-натуралистов, писателей, журналистов и публицистов. Источниковая база данного исследования в принципе неисчерпаема, ибо не представляет собой какой-то компактной массы и к тому же фрагментарна, вследствие чего многие сведения приходится собирать по крупицам. Тем не менее, автор полагает, что использованного им материала достаточно, чтобы по намеченному кругу вопросов можно было сделать вполне обоснованные выводы.

Автор отдает себе отчет в том, что каждый из предлагаемых им вниманию читателя очерков может стать темой отдельной капитальной монографии, и поэтому основную задачу своего исследования видит не в привлечении максимально возможного конкретно-исторического материала по рассматриваемым сюжетам, а в том, чтобы по возможности четко обозначить связанные с ними проблемы и наметить пути их возможного решения — в надежде заинтересовать ими следующее поколение исследователей и побудить его к дальнейшей разработке этой проблематики.

При работе над книгой автор неизменно пользовался поддержкой коллег, одобрявших его подходы к изучаемым проблемам, за что выражает им свою глубокую признательность. Прежде всего хотелось бы в этой связи отметить сотрудников «старого», «доперестроечного» сектора феодализма Института истории СССР АН СССР — Л. Н. Пушкарёва, А. А. Преображенского, М. Е. Бычкову, Л. В. Данилову, В. Д. Назарова. В нынешнем Центре истории русского феодализма Института российской истории РАН большую помощь автору в выявлении интересующих его источников и литературы оказал С. А. Козлов. Автор также премного благодарен за замечания и советы, полученные от других сотрудников нашего Института — Д. В. Лисейцева, Е. Н. Марасиновой, Н. М. Рогожина, Н. А. Соболевой, Р. Г. Пихои, В. В. Шелохаева. И, разумеется, особая благодарность моим уважаемым рецензентам — А. П. Богданову и В. Я. Гросулу. Без их содействия в подготовке книги к печати она бы не увидела свет.

Облик первопроходца (О менталитете русского населения Сибири конца XVI — начала XVIII вв.)

В ходе продолжающегося уже около трех столетий изучения начального этапа русской колонизации Сибири выявлено много вопросов как частного, так и общего характера, ответы на которые так и не стали общепризнанными и окончательными. В их числе — комплекс проблем, связанных с изучением менталитета русских первопроходцев и первопоселенцев, ставший в последнее время объектом повышенного внимания исследователей.

Нельзя сказать, что ранее он оставался совершенно вне поля зрения историков. Нет, материал, так или иначе связанный с нашими нынешними представлениями о ментальностях, нередко можно было встретить задолго до появления самого термина «менталитет» — уже в трудах дореволюционных авторов, касавшихся истории Сибири. Правда, как правило, он у них носил отрывочный, несистематизированный характер и не выходил за рамки темы «бытовые черты XVII века» или «к истории нравов в Московском государстве», что было особенно присуще работам, выходившим в конце XIX — начале XX вв. Самые известные из них принадлежали перу харьковского профессора П. Н. Буцинского, московского историка-архивиста Н. Н. Оглобина, казанского профессора Н. Н. Фирсова, а также так называемых сибирских областников («сибирских патриотов») — Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, С. С. Шашкова и др. При всех различиях в политических и научных взглядах, всех их объединяло стремление обращать внимание прежде всего на «грубость нравов» русских переселенцев. Такой же подход к теме в основном демонстрировали и первые советские историки-сибиреведы, находившиеся под влиянием «школы» М. Н. Покровского, однако в послевоенный период при характеристике облика сибирских первопроходцев и первопоселенцев в советской историографии возобладали в целом комплиментарные оценки, при том что сами «сибирские нравы» фактически не являлись темой специальных исторических исследований.

Ситуация кардинально изменилась с 1990-х гг., когда изучение проблем менталитета стало у нас одним из основных направлений развития исторической науки в целом и сибиреведения в частности. С тех пор стали обычным явлением научные работы, в которых отводилось много места исследованию менталитета русских первопроходцев, по ходу чего вводились в оборот новые материалы и по-новому трактовались давно известные источники. Именно к таким трудам относятся капитальные исследования Д. Я. Резуна, А. А. Люцидарской, Е. В. Вершинина, А. С. Зуева, С. В. Путилина, С. В. Тимохина, Д. В. Раева, П. Н. Бараховича и ряда других современных историков. Однако при анализе их взглядов на особенности сибирского менталитета конца XVI — начала XVIII вв., мы сталкиваемся с широким разбросом мнений — от характерных для дореволюционной и ранней советской историографии до доминировавших в сибиреведении в 1950–1970-е гг., от основанных на конкретно-историческом материале до опирающихся на последние разработки философских аспектов этой проблематики. Такое положение делает весьма актуальной необходимость разностороннего рассмотрения и систематизации выявленных точек зрения на менталитет сибирских первопроходцев и первопоселенцев.

Однако в силу обширности и многогранности этой темы нам придется ограничиться лишь некоторыми из связанных с ней вопросов, отдавая предпочтение тем из них, которые имеют наибольшее значение для понимания сути *колонизационных* процессов в Сибири конца XVI — начала XVIII вв., а потому и являются наиболее дискуссионными.

Что влекло русских людей в Сибирь?

Прежде всего, попытаемся выяснить главные движущие силы русского движения за Урал. Интересы Московского государства в расширении своих пределов на восток элементарны и понятны: укрепление безопасности границ, увеличение числа подданных за счет новых налогоплательщиков, доступ к богатым природным ресурсам присоединенных земель, надежды на открытия в них руд ценных металлов (прежде всего — серебра) и т. д. Но присоединение Сибири не состоялось бы без опоры на

массовое переселенческое движение, без его поддержки со стороны самых широких слоев населения Московского государства. Что влекло в Сибирь их?

Этот вопрос интересует исследователей давно и трактуется ими по-разному. С. М. Соловьев склонялся к объяснению причин русской колонизации особенностями русского национального характера, был убежден в отсутствии у русского человека «привязанности к одному месту», из которой, якобы, и проистекала привычка уходить на новые земли «при первом неудобстве»¹. С этим мнением перекликаются рассуждения некоторых современных историков и философов о «менталитете экстенсивности», якобы и по сей день свойственном россиянам². Однако уже в дореволюционной историографии в объяснении причин движения русских людей на восток возобладали более «приземленные» точки зрения. Казанский профессор Н. А. Фирсов, публицист и географ Ф. Ф. Шперк, высокопоставленный чиновник и по совместительству историк-краевед К. Б. Газенвинкель, а также большинство сибирских «областников» сходились на том, что землепроходцами двигали лишь примитивная корысть да «неугасимая жажда наживы»³.

Подобный подход к «деяниям предков» вызывал возмущение известного в свое время писателя, этнографа и краеведа Н. С. Щукина, считавшего, что сибирскими землепроходцами двигала не «постыдная корысть», а прежде всего «жажда славы»⁴. Более сложным был взгляд на тот же вопрос у П. Н. Бучинского. «Я не разделяю того мнения, что будто бы алчность к наживе вела русских все далее и далее в глубь Сибири», — писал он. Бучинский считал, что, помимо материальных интересов, землепроходцами руководил необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям и

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 631.

² Воробьева Т. В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства. Дис. ... канд. ист. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004. С. 4.

³ См.: Скалон В. Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 2005. С. 34–35; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 312, 338, 358 и др.

⁴ Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 142.

жажда знания — стремление узнать, «что таится в неведомых местах»⁵. Но в конце XIX и начале XX в. это была позиция меньшинства отечественных историков.

В зарубежной историографии тоже господствовала (и господствует) точка зрения о «жажде наживы» и «алчности» как главной побудительной причине движения русских на восток. К этому, правда, иногда добавляются «дух авантюризма», «переполненность физической энергией», «инстинкт экспансии», стремление выйти к морю (благо туда вели «естественные» водные пути), «поддержать имперский престиж» или же, наоборот, «жажда свободы»⁶.

В советский период в объяснении причин русского движение «встречь солнца» получили распространение две точки зрения, одну из которых условно можно назвать «идеалистической», а другую «материалистической». Сторонником первой был, например, известный философ-мистик Д. Л. Андреев. Он видел в деятельности сибирских казаков и промышленников проявление «избытка телесных сил и мужания народного духа, в котором пробуждается стремление вдаль» и возникает «неодолимый зов, увлекавший землепроходцев дальше и дальше». «Дикие запахи с неведомых пустошей Востока, удаляющиеся в ноздри и пьянящие как вино... Курлыкание журавлей, трубные клики оленей... Синеватая дымка, затуманившая на востоке дремучий лесной горизонт... Кровь, гудящая по жилам властным призывам вдаль, внеразумным и провиденциальным

⁵ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1893. С. 92.

⁶ См.: Чернавская В. Н. Великие русские географические открытия на северо-востоке Азии в XVII–XVIII веках в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1994. [Т. 1]. С. 155–156; Она же. Англоязычная историография и вопросы открытия и освоения русского Дальнего Востока (XVII — первая половина XIX в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 218–219; Воробьева Т. В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Ананьев Д. А. История Сибири конца XVI — первой половины XIX вв. в англо- и германоязычной историографии (XX в.). Новосибирск, 2012. С. 107–108.

хмелем бродяжничества»... — вот что, по мнению Д. Л. Андреева, главным образом, и влекло русских людей в просторы Сибири⁷.

Близок к этой точке зрения был еще более известный исследователь — Л. Н. Гумилев. Он причину активности первопроходцев усматривал прежде всего в их «пассионарности» — «особом импульсе», возникающем в результате «избытка биохимической энергии живого вещества» и имеющим свойство затухать с течением времени (у сибиряков, по мнению Л. Н. Гумилева, этот «импульс» пропал уже в XVIII в.)⁸.

Такие построения носили чисто умозрительный характер, поэтому большинство профессиональных историков отвергало их, объясняя причины русского движения на восток сугубо объективными факторами и приводя доводы, которые, в отличие от умозаключений Андреева и Гумилева, покоились на солидной источниковой базе. В результате в подходах к вопросу о движущих силах русской колонизации возобладал (и по сей день господствует) «материализм».

К настоящему времени твердо установлено, что в конце XVI–XVII вв. основной поток переселенцев направлялся за Урал из северных, «поморских» уездов Московского государства, практически не знавших крепостного права, и состоял главным образом из лично свободных и вполне легальных «сходцев» — черносошных крестьян, посадских и гулящих людей. Поэтому в Сибирь их менее всего влекла «жажда свободы»: хоть там тоже не было крепостное права, но и какой-то особой «воли» не наблюдалось. За Уралом, как и на родине, переселенцам приходилось либо продолжать прежнюю хозяйственную деятельность («на пашне», «в посадке», на «промыслах»), либо «верстаться в службу» (становясь казаками, стрельцами, пушкарями), либо, оставаясь в статусе гулящих людей, жить неквалифицированной работой по найму. Податные и прочие льготы при обустройстве на новом месте носили временный характер,

⁷ Андреев Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991. С. 151–152.

⁸ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 289; Он же. От Руси к России: очерки этнической истории. [М., 1994]. С. 260–261.

а «самовластное» жительство на открываемых «дальних реках» тоже продолжалось недолго: воеводская администрация быстро брала их под свой контроль.

Объективные причины к переселению из Поморья в Сибирь в изложении историков выглядят вполне убедительно. Это прежде всего относительная земельная теснота, обусловленная экстенсивным характером ведения хозяйства и объективной невозможностью его интенсификации, а также постоянное усиление налогового гнета в стране. А факторами, благоприятствовавшими миграциям на восток, объявлялись географическая близость и сходство природно-климатических условий Русского Севера и Сибири, а также высокий экономический потенциал черносошного Поморья, отличавшегося от других русских регионов широким развитием промыслового предпринимательства⁹.

Последнее, по мнению историков-сибиреведов, имело особое значение, поскольку в течение почти всего XVII в. для русских основным стимулом продвижения за Урал, подчинявшим почти все виды их хозяйственной и административной деятельности, являлась пушнина — главный «валютный» товар, имевший тогда неограниченный спрос на внешнем рынке. И поэтому не случайно энергичное продвижение русских в Сибирь совпало по времени с «испромыслением» охотничьих угодий на Европейском Севере и резким увеличением спроса на «мягкое золото» после налаживания торговли с Западом через Архангельск и с Востоком по Волге, ставшей к тому времени полностью русской рекой.

⁹ См.: Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. С. 67–71; Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 17; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 57–68; Колесников А. Д. С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 180–181; Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 30; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 566; Чернавская В. Н. «Восточный фронт» России XVII — начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 12–13.

Вся связанная с первопроходцами и в целом неплохо сохранившаяся документация («отписки», «скаска», «расспросные речи», «наказные памяти»), действительно, однозначно свидетельствуют, что основной целью авангарда русской колонизации была пушнина и в первую очередь — соболь, которого можно было или «промыслить» самому, или выменять у аборигенного населения на различные «товары», или взять у него же в качестве дани-ясака.

Однако столь логичное и, главное, опирающееся на данные надежных источников объяснение побудительных причин русского движения за Урал не устроило некоторых исследователей, и они вновь напомнили ученому сообществу о том, что «не хлебом единым жив человек»¹⁰. И в этой позиции был свой резон. Что касается переселенцев, осознанно выбиравших в Сибири крестьянский образ жизни, то сугубо «материалистические» причины их появления за Уралом понятны: во многих районах Сибири условия для сельскохозяйственного производства оказывались более благоприятными, чем в центре страны и в Поморье. Эти преимущества, правда, раскрывались далеко не сразу, для обустройства на новом месте требовались и время, и, порой, значительные усилия. Однако переселенцев выручало такое свойство русской натуры, как постоянно удивлявшие иностранцев выносливость, долготерпение, неприхотливость в быту и нетребовательность к условиям существования в целом, давно отмечаемые как качество, облегчавшее русским крестьянам освоение новых территорий¹¹. Торговля и ремесло в крупных сибирских городах с течением времени тоже стали обеспечивать занятым в них сравнительно высокий жизненный уровень¹². Но в Сибири оказалось много и таких людей, которые предпочитали мирным и спокойным хозяйственным занятиям

¹⁰ Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 175.

¹¹ См.: Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 57; Аванесова Г. А. Социокультурная динамика населения Сибири в рамках Российского государства // Цивилизации и культуры: научный альманах. М., 1995. Вып. 2: Россия и Восток. С. 175.

¹² См.: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967.

либо казачью службу, предполагавшую крайне опасные «дальние посылки» в «неведомые земли», либо добычу соболя в этих землях на свой страх и риск в составе промысловых партий. Что предопределяло у таких людей выбор жизненного пути? Ведь отправлявшиеся в дальние походы служилые и промышленные люди наверняка понимали, что в лучшем случае лишь единицам из них удастся разбогатеть или получить в награду более высокий «чин», знали, насколько опасны такие предприятия — сведения о сотнях погибших первопроходцев ни для кого в Сибири XVII в. не являлись тайной за семью печатями.

На «нестыковки» сугубо «материалистических» подходов к означенной проблеме еще в 1951 г. обратил внимание известный охотовед, географ, этнограф и исследователь землепроходческого движения В. Н. Скалон. Он был убежден в том, что первопроходцами хоть и руководили «стремления найти новые, богатые пушниной места», но «не меньшую роль» играла «любопытность, то ненасытное движение вперед “встреч солнцу”, которое так характерно для XVII–XVIII столетий», а также «жажда славы, надежда на повышение и награды, в которой так часто приходилось обманываться»¹³. Аргументация В. Н. Скалона была довольно проста: «Движущей силой, истинным исполнителем всех русских предприятий в Сибири был “служилый человек”. Он находился на “государевом хлебом, соляном и денежном жаловании”, ничтожном по размеру и выдававшемся неаккуратно, часто с перерывами во много лет. И при этом непрестанные длительные походы, которые редко кончались благополучно, а обычно приносили бесчисленные раны, болезни, увечья и смерть... Если предположить, что всё это переносилось служилыми людьми из корыстных расчетов, то, очевидно, пожитки землепроходцев должны были бы быть велики... Что же в действительности? Во многих документах встречаются описи имущества погибших служилых...; из описей видно, что всё это совершенно ничтожные в ценностном отношении достояния...». Таким образом, заключает В. Н. Скалон, «ничтожность “доходов” служилых людей, далеко не возмещаемая принимаемыми повседневно страданиями, не говоря уже

¹³ Скалон В. Н. Указ. соч. С. 53.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru